

Пономаренко Н.М.

“... НЕ ДЛЯ ЖИТЕЙСКОГО ВОЛНЕНЬЯ...”

Какое новое направление дал мыслящему миру Пушкин? Что сказал он своему веку? Почему не иссякает живой интерес к его личности?

Сегодня почти не осталось вопросов, на которые не было бы ответа. И все же...

Перечитывая статьи и письма Н.В. Гоголя, в одном из них находим: “Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое поэт, и ничего больше”. В другом же с удивлением обнаруживаем, что мы, живущие сегодня, должны были бы походить на Пушкина. Но так ли это?

“...Пушкин есть явление чрезвычайное...: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла”.

В его стихах нет ни красноречия, ни наружного блеска. Все лаконично, как в настоящей, чистой поэзии, слова точны и необъятны, как пространство. Стихи его “так просто-возвышенны, так ярки, так пламенны... и, вместе с тем, так детски чисты...”.

...Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы!..

У поэтов России есть что-то большее, чем любовь к Отечеству. Отчизна, Россия ассоциируется с величием, чистотой нравов, “прикосновением к верховному Промыслу, который так явно слышен в судьбе нашего отечества”. С первых поэтических шагов своих Пушкин уже был национален, ибо “...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа”. Образ русского человека отражает “широкие черты человека величавого”, непреклонного в своем библейско-исполинском величии. Н.В. Гоголь описывает чужеземца, заглянувшего в глубь России и изумленного “при виде простых обитателей деревенских изб наших”, пораженного мудростью маститых беловласых старцев, признавшего, что нигде в Европе не встречал он образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому. “...Оттого и звуки становятся библейскими у наших поэтов”, - пишет Гоголь.

На высоких лирических тонах звучит и любовь к царю. В стихах поэтов “...многое так сказано сильно, что если бы даже и нашелся такой государь, который позабыл бы на время долг свой, то прочитавши сии строки, вспомнит он вновь его и умилился сам перед святостью звания своего”. Именно перед святостью, так как в представлении россиян монарх вообще – это “Божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог”. “Зачем нужно, - говорил Пушкин, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона далеко не уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномощного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномощного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь музыканты, но если нет среди них одного такого, который бы движением своей палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт... При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!”

В России все знали высшее назначение монарха и преклонялись перед этим. “Любовью ко всему человечеству могут проникнуться те, которым уже поставлено в непременный закон полюбить всех, как одного человека”. Потому и поэты “прозрели” высшее назначение монархии, оттого и звуки их становятся библейскими, как только “излетает из уст слово царь”. “Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее звание свое – быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь”.

Свое внутреннее чувство к образу самодержавного монарха Пушкин несколько выразил в стихотворении “К Н***” (ода императору Николаю), уподобив его даже древнему Боговидцу Моисею. И это при том, что Пушкин был весьма горд, независим в суждениях, имел высокое чувство собственного достоинства. По словам Гоголя, он, видя свое личное преимущество, как человека, понимал всю малость призвания своего перед назначением венценосца и умел “благоговеино поклониться” перед теми из них, которые показали миру “величие своего звания”.

Пушкин “точно, заключал в себе черты какой-то высшей природы”:

И долго буду тем народу я любезен,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что прелестью живой стихов я был полезен

И милость к падшим призывал.

Быть милостивым к несчастному, к упавшему – черта истинно русская. “...Вот отчего так гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде государя в Москву во время ужасов холеры,- черта, которая вызвала у него стихи”:

...Небесами

Клянусь: кто жизнь свою
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет Небу другом,
Какой бы ни был приговор
Земли слепой.

Только после смерти Пушкина открылась тайна его двух произведений о царе. "...Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступал умно... Теперь, когда появились только после его смерти эти сочинения, верно, не отыщется во всей России такой человек, который посмел бы назвать Пушкина льстецом или угодливым... Теперь всяк, кто даже и не в силах постигнуть дело собственным умом, примет его на веру, сказавши: "если сам Пушкин думал так, то уже, верно, это сущая истина".

Точный и чистый слог Пушкина передал и другую русскую черту уже другого венценосца, Петра. В стихотворении "Пир на Неве" он с изумлением спрашивает о причине шумного торжества. Быть может, у государя родился наследник? Или побежден непобедимый враг?

Нет, он с подданным мирится,
Виноватому вину
Забывая, веселится,
Чарку пенит с ним одну.
Оттого-то пир веселый,
Речь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Только Пушкин мог увидеть всю красоту такого поступка. Уметь не только простить вину виноватому, но и праздновать это, как победу над врагом! Только в России "радуются обращению грешника еще более, нежели самому праведнику"!

Пушкин, как и другие поэты, усматривал высшее назначение монарха, который должен стать "весь одна любовь", и тогда всем будет ясно, почему государь есть образ Божий. "...Все к тому ведет, чтобы вызвать в государях высшую, Божескую любовь к народам",- определял Гоголь призвание и назначение поэзии в этом смысле.

Сама поэзия для Пушкина была святыней. Никогда не входил он в этот храм "...неопрятный и неприбранный, ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого..." Что узнаешь из его произведений о нем самом? Вместо него предстает блестящий образ, живо откликающийся на все, что есть в мире, изумляющийся необычайностью событий "только для того, чтобы, подобно ему, изумлялись другие".

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Из всего великого или малого он исторгал искру поэтического огня, его высшую сторону, известную только поэту, не для "применения к жизни в потребность человеку", не объясняя никому, для чего эта искра.

Для поэтов прошлого века есть одно высшее духовное начало – Бог. Потому в стихах их видна некоторая суровость, немногословность. Все то, на чем нет "отпечатка Божьего", неинтересно для истинного поэта, заключающего в себе "высшее благородство душевное". Именно оно заставляет поэта избегать признательности людской или награды за лучший свой поступок. "...Собственный лучший подвиг ему вдруг опротивеет, если за него последует ему какая-нибудь награда: он слишком чувствует, что все высшее должно быть выше награды".

Пушкин был знаток и ценитель всего великого в человеке. "...Его духовное благородство есть уже свойственность почти всех наших писателей", – писал Гоголь. В связи с этим в народе складывалось убеждение, что писатель есть образец высшего благородства, ему не позволялось то мелкое, что прощалось другим.

Для своих современников Пушкин был "точно с неба сброшенный поэтический огонь", от которого зажглись другие поэты. Одних он вдохновил, других просто создал. Вокруг него образовалось целое созвездие: Дельвиг, Баратынский, не засверкали бы так ярко без огня Пушкина Крылов, Тютчев, Плетнев, оба Туманских. Стали поэтами даже те, кто не рождены были ими стать: Веневитинов, Хомяков, Баратынский.

И как современны сегодня, спустя 160 лет, слова великого Гоголя о поэте и поэзии: "...Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, - как ни прекрасно это служение, - не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство... Другие уже времена пришли. Теперь уже ничем не возьмешь – ни своеобразием ума своего, ни картинною личностью

характера, ни гордостью движений своих: христианским, высшим воспитанием должен воспитаться теперь поэт.

Другие дела наступают для поэзии. Придется ей теперь вызывать народы не на битву за временную нашу свободу (права и привилегии), но за высшую битву человека, за нашу душу... Поэзии предстоит возвращать в общество то, что есть истинно-прекрасного, и что изгнано из него нынешнею бессмысленною жизнью...".

Литература:

Сочинения Н.В. Гоголя, С-Петербург, 1908, книгопечатня Шмидта.

- а) "О лиризме наших поэтов" (письмо к В.А. Жуковскому), 1846.
- б) Ст. "Несколько слов о Пушкине", 1832.
- в) Ст. "В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность" (без даты).